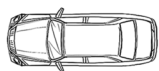

Если б было светло, они б сгорели со стыда.

Но крутом чернела ночь.

Уильям Голдинг. Повелитель мух

В ы е з д

Майбах Пулман

Фольксваген Гольф

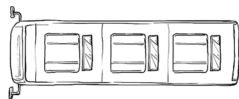
**Желтый
Ситроен**

**Синий
микроавтобус**

Фургон «OZON»

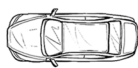
Пассажирский автобус

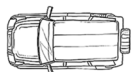
Польский
рефрижератор

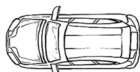
Порше Кайен

Лексус

УАЗ Патриот

Тойота RAV-4

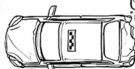
Красный
кабриолет

Пежо

Машина ДПС

Такси Рено Logan

Газель
«Напитки
Черноголовки»

ВЪЕЗД

расстояние от въезда до выезда 4 км

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 6 ИЮЛЯ, 23:00

Раскаленный город не остыл даже к ночи, и все-таки после заката стало чуть легче, так что машин на пригородном шоссе было вдвое больше обычного и толкаться начали еще до кольцевой. Поток дачников, которым одновременно пришло в голову выехать попозже, уплотнился и замедлился; втискиваясь с широкой трассы в три полосы, превратился в безрадостную воскресную пробку. Несмотря на поздний час, жара стояла невыносимая, а стоило въехать в тоннель, воздух как будто перестал двигаться совсем, загустел от выхлопных газов.

— Стекло подними, — сказала Саша. — Дышать нечем.

Митя мог бы возразить, что, если закрыть окна, станет только хуже. Роскошь запереться в собственном автомобиле доступна тем, у кого работает кондиционер, который в Тойоте сломался еще в прошлом году. Но он давно перестал побеждать в спорах, так что просто молча нажал на кнопку, хотя тут же некстати вспомнил, что и стеклоподъемник срабатывает через раз. Пассажирское стекло дрогнуло, а потом все-таки поехало вверх и сразу предательски запотело изнутри. Никакой радости не осталось от выпитого в полдень пива, только изжога и испарина на стекле. Он отвернулся и осторожно задышал носом.

Машины ползли по тоннелю плотно, в три ряда, как фарш через мясорубку. За четверть часа продвинулись вперед метров на триста, не больше, а потом встали

глухо. Радио уже минут десять предсмертно булькало и хрипело, сквозь помехи почти нельзя было разобрать ни слов, ни музыки, но вместо того чтобы выключить приемник, Саша выкрутила громкость вверх. И он снова промолчал, потому что и задранные окна, и кошмарные эти звуки были сейчас единственным ее аргументом. Как бы жена ни сердилась, она никогда не ссорилась с ним при Аське. Никогда, ни разу за десять лет. И негласный этот уговор, и так уже довольно хрупкий, нужно было беречь.

Дочь сидела сзади, уткнувшись в телефон, и, когда он оглянулся, чтобы как раньше перекинуться понимающими взглядами, не улыбнулась ему, как сделала бы еще пару лет назад, не состроила сочувствующую гримаску, даже не подняла брови. Лицо у нее было взрослое и раздраженное, чужое.

— Мама спрашивает, во сколько мы будем, — сказала она. — Мне к зубному вообще-то завтра.

— Мне тоже интересно во сколько, — сказала Саша, не оборачиваясь. — Только мы вряд ли узнаем, пока не доедем.

Они часто теперь так разговаривали — не глядя друг на друга, просто подкидывая реплики в воздух, как будто адресат у этих реплик был еще не определен. Митя мог бы сделать вид, что слова предназначаются ему, и ответить, а то и пошутить, но сегодня сил на это точно не было никаких.

Ася защелкала по клавиатуре, подождала, пощелкала еще.

— Ну отлично, еще и телефон здесь не ловит, — сказала она и сползла по сиденью вниз, стукнула коленками в спинку водительского кресла.

Саша закусила губу и крепче сжала руль, и Митя быстро отвел взгляд. Вот и хорошо, вот и ладно, подумал он, завезем Аську и доругаемся дома. Голова тре-

щала, во рту пересохло, спина была мокрая. Черт бы побрал эту жару, дачу и проклятое пиво. Он снова от-
вернулся и закрыл глаза.

Радио булькнуло в последний раз и умолкло.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 6 ИЮЛЯ, 23:19

Телефон потерял сеть и тут же начал разряжаться — 22 процента, 14 и, наконец, 8. Шнурок лежал в рюкзаке, но, чтобы воткнуться в зарядку на приборной панели, пришлось бы наклониться вперед и попросить, выслушать еще один терпилин недовольный вздох. Вздохов этих Ася и так за два дня наслушалась достаточно.

Терпилой вторую папину жену назвала мама. Прозвище возникло не сразу, поначалу они звали ее просто «эта», без имени, а в «терпилу» она превратилась сравнительно недавно, и конечно, не для Асиных ушей. «Митя и эта его терпила», — говорила мама в телефонную трубку или подругам за вином, понижая голос. И все немного смеялись, понимающе и по-взрослому, и Ася тоже.

«Когда будем не знаю», — написала она маме. «Пробка адская и жарко ужасно». Сети не было, сообщения зависли. «Я больше с ними не поеду», — дописала она уже просто так, в пространство, и швырнула бесполезный телефон на сиденье. Еще раз мстительно пихнула коленом спинку терпилиного кресла и стала смотреть в окно. Делать все равно было нечего.

Пробка не двигалась, машины стояли тесно, как вагоны бесконечного поезда. Справа от Тойоты замер черный матовый Порше Кайен, похожий на огромный кусок дизайнерского мыла, с двумя женщинами внутри. Обе тоже были шикарные, как их машина, в узких черных платьях. У них-то, наверное, прохладно внутри, в сало-

не, подумала Ася, духами пахнет и кожей. Может, даже холодильник есть какой-нибудь с просекко. Интересно, кто они — подруги? Сестры? И откуда едут? Быть не может, чтоб с дачи. У той, что сидела за рулем, были какие-то невероятные крупные кольца, а у ее соседки — прямая светлая челка и татуировка на плече, то ли бабочка, то ли птица. Ася чуть передвинулась и прижала нос к стеклу, чтобы рассмотреть рисунок, но тут светлая с челкой закричала вдруг что-то неслышное, замахала руками и, кажется, заплакала. Вторая, с кольцами, даже не шевельнулась, так и сидела, сжимая руль и глядя перед собой, равнодушная и спокойная, совсем как терпила. Теперь видно было, что она здорово старше первой; точно не сёстры. И скорей всего, не подруги.

Младшая из женщин вдруг повернулась, перехватила Асин взгляд и сердито вскинула средний палец. Лицо у нее в самом деле было зареванное и очень молодое, ноготь некрасиво обкусан до мяса. Ася отпрянула от окна и поспешно опять пересела налево.

Там оказалась пыльная патрульная машина с глубокой вмятиной вдоль борта. Через мутное водительское стекло она увидела толстяка в голубой рубашке с блестящим от пота лицом, а рядом — второго, тоже в форме, но помоложе, и дальше присматриваться не стала, не хватало еще разглядывать полицейских. Все остальное вокруг было такое же скучное: чумазая Газель «Напитки Черноголовки», полированный Лексус со спящим бородатым стариком, несвежее желтое такси, УАЗ Патриот с наклейкой «Спасибо деду за Победу», косо приклеенной поперек задней двери. И Ася собралась уже вернуться к интересным женщинам из Порше Кайен, как сзади вдруг обнаружился кабриолет. Яркий, с раскосыми фарами и белоснежными диванами. Парочка в кабриолете тоже была как с картины — плечистый красавец в льняной рубашке и длинно-

волосая загорелая нимфа. Вид у нимфы был скучающий, она сняла туфли и закинула ноги на приборную панель кабриолета. Непохоже было, что поза удобная, зато ноги правда были красивые, длинные и голые. Из патрульной машины, по-детски раскрыв рот, на них пялился молодой полицейский, и Ася поймала себя на том, что тоже пялится, и рассердилась окончательно. Снова откинулась на сиденье, еще раз проверила полумертвый телефон и приготовилась умереть от скуки.

В этот самый момент Газель с надписью «Напитки Черноголовки» тронулась с места, медленно покатила вперед и уткнулась носом в задний бампер желтого Рено Логан с шашечками вдоль борта. Из Рено выскочил таксист, темнолицый и маленький, как ниндзя, и с криком бросился к Газели, рванул на себя переднюю дверь и полез в кабину.

Заскучавшая пробка оживилась, предвкушая скандал. Нимфа из кабриолета подобрала ноги и привстала, чтобы лучше видеть. Ася поборолась с собой секунду, а потом опустила окно.

Газелист оказался такой же смуглый и низкорослый, но совсем молоденький. Он покорно дал себя вытащить и стоял теперь, сонно хлопая глазами. Вид у него был растерянный, как у человека, который проснулся только что и понятия не имеет, что сделал не так. Таксист схватил его за плечо и поволок к своей поврежденной машине. Увидев расколотый бампер, юный Газелист охнул, очнулся и дальше поступил неожиданно: вырвался и побежал, оставив на асфальте один из своих резиновых шлепанцев. Остолбенев на мгновение, свирепый маленький таксист нагнулся, зачем-то подобрал шлепанец и кинулся следом, продолжая ругаться на своем сердитом языке. Они скрылись за Газелью, а через мгновение появились снова, с другой стороны.

— Давай, джихад! — весело прокричал мордатый водитель УАЗа Патриот. — Лови его, уйдет!

Газелист был моложе лет на тридцать, но хромал на одну ногу, а таксиста гнала ярость, и в конце второго круга он настиг-таки свою жертву, прижал к борту Рено и замахнулся трофейным шлепанцем.

— Не смейте его трогать! — раздался вдруг женский голос, возмущенный и звонкий. — Немедленно уберите руки, вы слышите меня?

По проходу между машинами поспешно пробиралась невысокая полноватая женщина, лицо у нее было круглое, на щеках красные пятна. Перед собой она держала телефон, которым целилась в таксиста, и щелкала камерой, как будто стреляла на бегу.

— Ваш номер я тоже сфотографировала, — заявила она, задыхаясь. — И если вы сейчас же, сию минуту не отпустите мальчика, я вас без работы оставлю, даже не сомневайтесь в этом!

С этими словами она сунула телефон маленькому таксисту под нос и еще раз нажала на спуск. Сверкнула вспышка, таксист зажмурился. Слышно было, как он хрипло, со свистом дышит. Сейчас он ей же и врежет этим тапком, подумала Ася. Но женщине с телефоном это, очевидно, даже в голову не пришло, потому что она повернулась спиной и с отвращением огляделась по сторонам.

— Столько мужчин, — сказала она, — и ни один не вступился. Сидите тут, как в цирке. Убивать при вас будут человека, а никто даже из машины не выйдет.

— Да сами пускай разбираются, чурбаны, — сказал УАЗ Патриот, — и так их развелось. Вчера еще на ишаках ездили, ни правил не знают, ничего.

Женщина с телефоном смерила его взглядом, но ответа не удостоила и устремилась к патрульной машине. Оба полицейских, старый и молодой, с одинаковой тоской следили за ней через запотевшее стекло.

— А вы-то что? — спросила она громко и постучала в искореженную дверь. — Это же ваша работа. Или вы только взятки годитесь собирать?

Маленький таксист оттолкнул своего пленника, швырнул на асфальт бесполезный кусок резины и пошел к УАЗу.

— Сам ты ишак, — сказал он по-русски, чисто и без акцента. — Я права получил, когда ты еще не родился, говно.

— Мы не ДПС, — сказал старший полицейский женщине с телефоном. — Мы авариями не занимаемся.

— Да ничем вы не занимаетесь, — сразу ответила она. — При чем тут аварии вообще, он же чуть не убил мальчика!

Все, включая таксиста, обернулись к Газели. Юный таджик подобрал уже свой шлепанец и шустро карабкался теперь назад, в кабину. Круглолицая женщина простерла руки и крикнула:

— Всё в порядке, не бойся! Не бойся, он ничего тебе не сделает!

Но, похоже, молоденький Газелист ее словам не поверил, а то и просто не понял, потому что захлопнул дверцу, спрятался за рулем и замер. Женщина с телефоном вздохнула и покачала головой, как человек, который сделал все что мог.

— Полиция, — прошипела она в сторону патрульной машины и пошла прочь.

Человека в наручниках с окровавленным разбитым лицом, лежащего на заднем сиденье, она так и не заметила.

Таксист присел на корточки возле лопнувшего бампера, дернул, выломал кусок пластика и понес к себе в машину, прижимая к груди, как младенца.

Старший полицейский откинулся в кресле, наблюдая за тем, как круглолицая истеричка усаживается в свой